2024. № 4 **ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ** С./Pp. 7–26
Voprosy Jazykoznanija

Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе

Алексей Алексеевич Гиппиус
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья содержит предварительную публикацию 19 берестяных грамот XII — начала XVI в., найденных в археологическом сезоне 2023 г. в Великом Новгороде (№ 1158–1172) и Старой Руссе (№ 55–58). В историческом отношении наибольшую ценность представляют три грамоты XIV в.: № 1164 — запись разверстки сбора податей, отражающая децимальное членение населения Новгородской земли, № 1164 — челобитная, адресованная корпорации «скотников и помужников», осуществлявшей управление территориями в Заонежье, № 1170 — протокол судебного заседания с упоминанием бояр. Лингвистический материал публикуемых грамот включает редкий пример словоформы И. ед. *поклоне* в адресной формуле письма, использование буквы ъ для записи [’о], очередной пример рефлексации сочетания ъ + *о* в виде *а*, первые фиксации слов *ѣздьць*, *шида* ‘шелк’, *крута* ‘приданое’, архаичные личные имена *Пировая*, *Обликъ* и др.
Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород, Старая Русса
Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2024 г. (проект «Языки и тексты русской культуры XI–XVIII вв.: проблемы интерпретации»). Автор благодарит Д. В. Сичинаву за ценные замечания.
Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 7–26.
DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.7-26

Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2023

Aleksey A. Gippius
HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: The article contains a preliminary publication of nineteen birchbark letters found during the archaeological season of 2023 in Veliky Novgorod (Nos. 1158–1172) and Staraya Russa (Nos. 55–58). The published documents date back to the 12th — early 16th centuries. From the historical point of view, three 14th-century documents are of the greatest value: No. 1164 is a record of tax collection, reflecting the decimal organization of the population of the Novgorod hinterland; No. 1164 is a petition addressed to the corporation of *skotniki* and *pomužniki*, which administered the territories in the Zaonezhye region; No. 1170 is a record of a court session with a mention of boyars. The linguistic material of the published texts includes a rare example of the N. Sg. *poklone* in the address formula of a letter, the letter ъ designating [’o], another example of ъ + *o* combination reflexed as *a*, the first attestations of the words *ězdьсь* ‘messenger’, *šida* ‘silk’, *kruta* ‘dowry’, archaic personal names *Pirovaya*, *Oblikъ*, etc.
Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian, Staraya Russa
Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics 2024 (project «Languages and

Texts of Russian Culture of the 11th–18th Centuries: Problems of Interpretation»). The author thanks D. V. Sichinava for valuable comments.
For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2023. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 7–26.
DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.7-26

Великий Новгород

В течение археологического сезона 2023 г. в Великом Новгороде были обнаружены 15 берестяных документов. Грамоты № 1166, 1168 и 1170 были найдены на Троицком раскопе в слоях XIV в. (руководитель работ В. К. Сингх). Остальные грамоты были найдены при раскопках, проводившихся Новгородской экспедицией Института археологии РАН под руководством П. Г. Гайдукова. Восемь грамот были обнаружены на двух раскопах на территории средневекового Неревского конца, произведенных в связи с реконструкцией Морского центра капитана Н. Г. Варухина, близ древней Другоновой улицы (№ 1158, 1159) и древней Борьковой улицы (№ 1161, 1162, 1163, 1164, 1165, 1167); эти документы происходят из напластований XIII — начала XVI в. Две грамоты — № 1160 и 1169, датируемые первой половиной XV в. и второй половиной XIV в., были найдены на раскопе близ древней Даньславлей улицы (в XVII в. известной как Досланя), также на территории Неревского конца. На Торговой стороне, на Иоанновском раскопе в 38-м квартале, в слоях конца XII в. была найдена грамота № 1172; грамота № 1171 происходит из шурфа, заложенного к северу от Иоанновского раскопа, и датируется первой половиной XV в. В настоящую публикацию входят все перечисленные грамоты, за исключением № 1161, представляющей собой незначительный фрагмент. Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1158. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Другонова улица). Левая часть четырехстрочного документа.

(п)рик[а](з)о [ѿ] оnуѳр(иѧ) …
тру понаболе[ьс](ѧ) …
[є]ди жь [о] велипо…
пшьници тоби

От буквы после *л* во 2-й строке виден верх вертикали, более всего подходящий для *ь*. Но нельзя исключать и *и*: левые вертикали у *и* и *н* в грамоте в нескольких случаях заметно выше правых (правда, не настолько, как следовало бы предполагать в данном случае).

Стратиграфическая дата: конец XIV в. — первая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг., предпочтительно не ранее 1360-х гг. и не позднее 1390-х гг.

Утраченная правая часть грамоты была невелика. На *…тру* явно заканчивалось имя адресата: *Петру* или *Дмитру*. На *…єди* мог оканчиваться только императив, однородный с *понабольсѧ* и отделенный от него еще каким-то словом (например, обращением). Проблему составляет только фрагмент *велипо*, не допускающий никакой правдоподобной интерпретации. Наиболее вероятным кажется пропуск слога в сочетании *о Вели⟨ки⟩ пости.* Общее содержание письма в этом случае представляется следующим: автор предлагал адресату прибыть к нему Великим постом за семенами пшеницы. Предлог *о* с местным падежом в темпоральном значении встречается в памятниках разного происхождения [Слов. XI–XVII, 12: 7] и хорошо засвидетельствован в берестяных грамотах, ср. *а ѧ быле*

о русалеѧхо в Пудогѣ 131 (2 пол. XIV в.), *о Петрови дни* 463 (нач. XIV в.), *о Петрове дни* 962 (сер. XV в.).

Возможная текстуальная реконструкция: (*П*)*рик*[*аз*]*о* [*ѿ*] *Онуѳр*(*иѧ к Пе*)|*тру*. *Понабол*[*ьс*](*ѧ*), …, (*по*)|[*є*]*ди жь ѻ Вели*⟨*ки*⟩ *по*(*сти*, | *дамъ*) *пшьници тоби*.

Перевод: ‘Приказ от Онуфрия к Петру. Озаботься, …, приезжай Великим постом, дам тебе пшеницы’.

С фонетической точки зрения было бы интересно написание *понабол*[*ьс*](*ѧ*), отражающее утрату *и* в императиве, которое для этого должно было быть безударным. По данным А. А. Зализняка [2019: 347], глагол мог принадлежать к акцентной парадигме *a* (с ударением на корне) или *b* (с ударением на окончании). Наш пример разрешал бы эту альтернативу в пользу а. п. *a*. Но возможность трактовки буквы как *и* делает это свидетельство ненадежным.

№ 1159. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Другонова улица). Правый нижний угол документа с окончаниями двух последних строк:

…[л]ому [го]роду [и] капусту
… [н]а то послухо

Стратиграфическая дата: конец XIV в. — первая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг.

Упоминание капусты и послуха позволяет уверенно определить жанр документа как купчую грамоту; ср. аналогичную комбинацию в новгородских купчих XV в. [ГВНП, № 174, 231]. Для обрыва в начале первой строки надежную реконструкцию предложить невозможно, но не исключено, что *городу* стоит здесь вместо *огороду*: в то время как первое слово в купчих грамотах практически отсутствует, огороды упоминаются в них постоянно, есть они и в обеих указанных грамотах: «полъ огоротца, полкапустника», «до Карлаевьского огородца… да гряда капуста с[а]дити земли» [Там же]. Заметим, что пропуск начального гласного после *у* (например, в сочетании *малому огороду*) мог быть неслучаен, если этот гласный сам произносился как [у]: [угороду] — сильная лабиализация начального безударного *о* широко представлена в севернорусских говорах и фиксируется, в частности, в Ильменском Поозерье [Гептинг 2023: 43]. С другой стороны, в грамоте могло быть употреблено слово *горóд* ‘огород’, известное из тверских, псковских и смоленских говоров [СРНГ, 5: 57; ПОС, 7: 120].

№ 1160. Досланьский-2. Окончание последней строки документа:

… | … **демь·ѧне ѧколиць**

Стратиграфическая дата: вторая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1160-х гг., предпочтительно не ранее 1360-х гг.

По всей вероятности, перед нами окончание списка свидетелей (послухов), присутствовавших при заключении сделки. Тот же персонаж открывает перечень послухов в пергаменной купчей Ивана Обакумова у Юрия Каргуева на участки по рекам Выгу, Шуе, Кеми и Воньге в Карелии: «А на то послухъ: Дѣмьянъ Яколь, Гаврила Борковъ, Василь…» [ГВНП, № 322]. Он же — тоже как Демьянъ Яколь — фигурирует в грамоте Палеостровскому монастырю [ГВНП, № 90] среди «скотников и помужников» Толвуйской земли (о чем см. ниже в комментарии к грамоте № 1169).

В отличие от двух пергаменных грамот отчество оформлено суффиксом -*ичь*, присоединенным к основе йотового посессива, с новгородским переходом *вл’* > *л’*. В морфологическом отношении отметим отвечающее ожидаемому распределение окончаний номинатива -*е* и -*ь* между словами твердого (*Демьѧне*) и мягкого (*Ѧколиць*) вариантов *о*-склонения.

№ 1162. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Фрагменты трех строк из середины письма (сохранился правый край):

… [ȣ н]асо нєможєтє микула
… (б)[у]дємо ȣ тєбє на поли в…
…адъı т[в]…

Стратиграфическая дата: конец XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1280-х гг., предпочтительно 1360–1380-е гг.

Письмо представляло собой коллективное обращение к феодалу. Последовательность *неможете* естественно в данном случае трактовать не как сочетание *не* с модальным глаголом, а как форму глагола *немочи* ‘недомогать’. В конце второй строки можно прочесть *в*[*ох*](*и*) ‘все’ или *в* [*лу*]… Для фрагмента 3-й строки ср. *наклады твоѥ* 142, но возможны и другие варианты.

Перевод: ‘… У нас занемог Микула… … будем все (?) у тебя на поле…’.

№ 1163. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Письмо из трех строк с относительно небольшими утратами. Из грамоты была вырезана фигура, напоминающая лодку, при этом первая строка сохранилась почти на всю длину, за исключением одной утраченной буквы справа. Возможна полная реконструкция:

поклонє ѿ ѻндрєꙗ · к ѥва · и к микифору про · [с](є)⸗
[рє]бро · ѡкупи · ѻсподинє · насъ · сєрє[б](р)о (тв)⸗
(оѥ) [н]є погинєть · а ꙗзъ · тоб(ѣ чєло бию)

В имени первого адресата не дописан слог *ну*.

Стратиграфическая дата: конец XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1300-х гг., предпочтительно 1320-е — 1390-е гг.

Перевод: ‘Поклон от Ондрея к Ивану и к Микифору. Про деньги: заплати за нас выкуп, господин: деньги твои не пропадут. А я тебе бью челом’.

Реконструкция *чело* (а не *челомъ*) мотивирована соображениями места: в утраченной части строки могло быть не более восьми букв. Возможен и сокращенный вариант без *бию*, ср. № 370 (2 пол. XIV в.).

Перед нами обращение крестьян к феодалу с просьбой «окупить» их, то есть заплатить выкуп, компенсацию вотчиннику, на земле которого крестьяне трудились ранее. Содержательную параллель представляет грамота № 102: *Староста Ѻлескандрова погоста бѣѥть целомь*: *сто бы ѥси*, *господине*, *ѻкупиле і*(*хъ і с*)*лово положиле со мною*. Заметим, что перевод этого места в [ДНД: 555] — ‘окупил, т. е. согласился бы взять за них выкуп’ — требует корректировки, как и опирающееся на него определение значения глагола в [СДРЯ, 6: 116]: правильное значение было указано в первой публикации [НГБ III: 31] со ссылкой на [Кочин: 217]: «выплатить деньги за крестьянина, перезываемого из вотчины другого феодала».

Поклоне — редкий пример использования слова в адресной формуле с диалектным окончанием *-е*: обычно оно выступает в форме ⟨*поклонъ*⟩ — в том числе в грамотах, написанных на диалекте; то же относится и к слову *приказъ*. До сих пор это окончание можно было предполагать лишь в грамоте № 528 (2 пол. XIV в.): *отоци поклонь* ‘отчий поклон’, однако обилие ошибок в этом документе делало пример не вполне надежным. А. А. Зализняк [1986: 180] пишет по этому поводу: «Очевидно, в начале грамоты эти слова [*поклонъ* и *приказъ*. — *А. Г.*] воспринимались как стоящие в винительном падеже (с подразумеваемым управляющим глаголом, например: “эта грамота несет…”); ср. эллипсисы типа *минуточку*, *минуту внимания* (подразумевающие: *прошу*). Не исключено, впрочем, что такое осмысление было вторичным, а сами формулы “поклонъ (приказъ) от X к Y” пришли как нечто целостное из книжного языка; ср. *поклонъ* в начале многих пергаменных документов из официальной переписки». Возможность трактовки форм *поклонъ* и *приказъ*

как аккузативов подтвердилась впоследствии находкой грамоты № 849 (сер. XII в.), в начале которой выступает бесспорный аккузатив *цѣлъвъ* (⟨*цѣлъвь*⟩), соответствующий латинскому salutem. Комментируемая грамота с той же определенностью показывает, что эти слова могли восприниматься и как обычные номинативы.

Про серебро — уже известный из берестяных грамот вид «заголовка», называющего предмет сообщения. Ср. в первую очередь Пск. 6 (сер. — 2 пол. XIII в.), где такие рубрики вводят все тематические разделы письма: *про белу…*, *а про себе…*, *а про сеи человеко.*

Слова *серебро* (*твоѥ*) *не погинеть* явно представляют собой формулу, напоминая столь же формульное завершение грамоты № 104 (2 пол. XIV в.), происходящей, что характерно, из того же комплекса, что и № 102: *А земля*, [*г*](*н҃*)*е*, *сама ся ѻкупить твоимъ здоровиѥмъ.*

Отметим также своеобразную коммуникативную структуру письма. Имея двух «титульных» адресатов, оно, по существу, обращено только к одному из них. При этом единственный автор говорит от лица стоящего за ним коллектива крестьян.

№ 1164. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Целый документ из четырех строк:

ѿ родивана до луки : ·і҃· ѿ матфия до колинца ·і҃· ·
ѿ пантелиꙗ̈ · до курьѥго ·̈і҃: ѿ курьѥго · до перькола ·і҃:
ѿ перекола до ӥлий ст҃ого ·̈і҃· ѿ ӥлий ст҃го · до вожанъ · ·̈і҃·
ѿ вожанъ до федорова села житкого ·і҃·

В слове *Вожанъ* в 3-й строке *в* написано поверх *ф*: по-видимому, писец раньше времени начал слово *Федорова.* Грамота написана профессиональным писцом: многие штрихи выполнены двойным контуром, над *ꙗ* и неприкрытым *и* стоят двойные точки.

Стратиграфическая дата отсутствует (заполнение траншеи).

Внестратиграфическая оценка: 1340-е — 1350-е гг.

Перевод: ‘От Родивана (Родиона) до Луки — 10, от Матфея до Коленца — 10, от Пантелея до Курьего — 10, от Курьего до Перекола — 10, от Перекола до святого Ильи — 10, от Святого Ильи до Вожан — 10, от Вожан до села Федора Жидкого — 10’.

Перед нами описание некоего пути, построенное по шаблону «от А до В — столько-то». Шаблон воспроизведен в общей сложности семь раз, при этом во всех семи случаях указана одна и та же величина — 10. Прямые аналогии такому построению в берестяных грамотах отсутствуют, не обнаруживаются они и в актовой письменности. Интерпретации этой структуры и анализу содержания грамоты в целом посвящена специальная статья [Гиппиус 2024]. Ограничимся здесь кратким изложением ее выводов. Мы предлагаем видеть в грамоте разверстку податных единиц или же отчет о произведенном согласно этой разверстке сборе податей. Объединение этих податей по десять отражает, на наш взгляд, действие известного на Руси децимального принципа членения тяглового населения. Из берестяных документов, в которых, согласно В. А. Кучкину, нашел отражение этот принцип, выделяется грамота № 390, в которой перечисляются 10 земельных (и, соответственно, податных) участков — *жеребьев* [Кучкин 2008: 327]. Число жеребьев может стоять и за цифрами 10 в комментируемой грамоте. Косвенным подтверждением этого служит грамота № 149 (кон. XIII в.), которая в новом прочтении [НГБ XII: 208] содержит синтагму: *да Домажирова 10-ь жер*(*ебьевъ*).

Из шести топонимов грамоты четыре надежно локализуются в среднем течении р. Сясь. Помимо исторического, эти названия представляют и известный лингвистический интерес.

Колѣнце отождествляется с современной д. Коленец Волховского р-на Ленинградской области. На военно-топографической карте Российской империи Ф. Ф. Шуберта середины XIX в. ей соответствуют две деревни — Большой и Малый Коленец[1]. Представляет интерес

[1] http://www.etomesto.ru/shubert-map/2-10/

мужской род этого названия, заставляющий предполагать исходное *колѣнь*, что, на первый взгляд, не находит подтверждений ни в восточнославянском материале, ни в других славянских языках, в которых представлены лишь продолжения общеслав. *kolěno, см. [ЭССЯ, 10: 132–133]. Между тем слово представлено в таком важнейшем памятнике, как Синодальный список Новгородской первой летописи, где оно также употреблено в качестве топонима, отчего не попало в словари. Под 6717 (1208) г. здесь читаем: «поставиша црквь стго Лоукы на Лоубѧнѣи оулици, перенесъше *съ Колѣнѧ*» (л. 72 об.). Чтение *с Колѣна* списков младшего извода НПЛ следует считать вторичным. Обнаруживаемое таким образом варьирование морфологического рода и типа основы у названия колена должно быть поставлено в связь с аналогичным колебанием у названия смежной части тела — голени, которое в славянских языках засвидетельствовано как в женском роде (в большинстве языков), так и в мужском (болг. *го́лен*, сербохорв. *го̏лēн* [редко, наряду с ж. р.]) и в среднем (сербохорв. *golijeno*, словен. *goléno*, ст.-чеш. *holeno*) [ЭССЯ, 6: 201]; специально о колебаниях в роде этого слова см. [Саенко 2022: 155], где приводится, в частности, русское диалектное (архангельское) *го́лено* ‘часть шестерни водяной мельницы’ [СРНГ, 6: 291].

Выше по течению Сяси на той же карте отыскивается д. Курье, отождествляемая с современным урочищем Курья, между деревнями Воскресенское и Пруди. Оформленное в грамоте по адъективному склонению, название происходит от широко распространенного в севернорусских говорах финно-угорского заимствования *курья* ‘речной залив’ [Матвеев 2001: 184–196].

Еще выше по реке обозначена д. Перекола (одноименное урочище имеется на современных картах), название которой отличается от представленного в грамоте лишь морфологическим родом. Этот топоним можно было бы связать с засвидетельствованным в псковских говорах словом *переколы* ‘передел земли’ [СРНГ, 26: 127], однако, исходя из внутренней формы слова, в нем скорее следует видеть одно из обозначений рыболовного закола, ср. *прикол* в том же значении в архангельских говорах [СРНГ, 31: 251], а также *на Волхевьци коле* в Варламовой грамоте.

В сочетании с тремя рассмотренными названиями однозначно интерпретируется и «Илья Святой», отождествляемый с находящимся еще выше по течению реки Ильинским погостом на Сяси (современная д. Свирь, в 12 км от Переколы). Отметим характерную постпозицию прилагательного в этом словосочетании. В отличие от нейтральной препозиции такой порядок является маркированным. В деловой письменности XV–XVI вв. он фиксируется лишь в сочетаниях, представляющих собой самодостаточные названия церквей или являющихся приложением при слове *церковь*. См., например: «а пошлаа деи дорога от Ростова к Юрьеву межи Первятина и Караша на *Иван Святый* на пустой да на бор к Высокому, а к Переславлю от *Ивана святого* от пустого к *Ивану Святому* на бор» [АФЗХ, 1: 25, № 5, 1473–1489]; «да речкою Волною на низ прошед церковь *Михаил Святый*» [Там же: 191, № 217, кон. XV — нач. XVI в.], «Митрополич монастырь на реке на Ноле, церковь *Егорей Святый*» [Там же: 154, № 169, 1501–1502].

№ 1165. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Деловая запись из шести строк с утраченным правым краем.

ув ов[си]ꙗ [цє](твє)[рк](а) [рж](и) …
три цєтвєрки ржи у стєпка у … (т)⸗
ри цєтвєрки ржи у п[авл]овъıх[ъ] … (т)⸗
ри ц[є]твєрки ржи у фєдора (у … д)⸗
ви коробьѥ ржи ув ъıгна[т](а цєтвєр)⸗
ка ржи у п-[п]-- [цє](твєрка ржи)

В последней строке можно прочесть *П*[*о*]*п*(*к*)[*а*].
Стратиграфическая дата: начало XVI в.
Внестратиграфическая оценка: не ранее 1410-х гг.

Перевод: ‘У Овсея четвертка ржи, у … три четвертки ржи, у Степка [прозвище] три четвертки ржи, у Павловых детей, у Федора [прозвище] две коробьи ржи, у Игната четвертка ржи, у Попка (?) четвертка ржи’.

Значение находки определяется ее датой: это самая поздняя из найденных в Новгороде берестяных грамот (до сих пор таковой была грамота № 495, археологически датируемая второй половиной XV в.). Перед нами важное свидетельство того, что использование бересты как писчего материала, а также техника процарапывания букв сохранялись в Новгороде и в первые десятилетия после утраты независимости. При этом, в отличие от № 495, в почерке которой издатели отмечали «несомненное наличие элементов скорописи XV в.» [НГБ VII: 87], письмо комментируемой грамоты более традиционно, хотя и демонстрирует присущие XV веку начертания.

Поскольку *четвертка* (в грамоте — с упрощением *ртк* > *рк*) — это четверть коробьи, общий объем перечисленных объемов ржи составляет ровно пять коробей (¼ + ¾ + ¾ + ¾ + 2 + ¼ + ¼), что косвенно подтверждает достоверность реконструкции.

Яркая фонетическая особенность — реализация предлога ‘у’ в виде *ув* перед словами, начинающимися с гласной: *ув Ов*[*си*]*ю*, *ув Ыгна*[*т*](*а*); в предконсонантной позиции находим последовательно *у*: *у Степка*, *у П*[*авл*]*овых*[*ъ*], *у Федора*, *у П*[*оп*](*к*)[*а*].

№ 1166. Троицкий раскоп. Фрагмент строки (начало) из середины документа.

… | **пан**[**є**]**тьлиєвaѧ ѡсипо**[**в**]**a**(**ѧ**) (…)| …

Буква *е* читается неуверенно. В середине 2-й строки можно прочесть …[**оуха**]… .

Надежная стратиграфическая датировка отсутствует.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1240-х гг. — предпочтительно не позднее 1390-х гг.

Перевод: ‘… жена (вдова) Пантелея, жена (вдова) Осипа, …’.

Возможная альтернатива данному чтению состоит в том, что *Ѡсипо*[*в*]*а* — это законченная словоформа, Р. ед. муж. притяжательного *Осиповъ*. В этом случае перевод будет ‘жена (вдова) Пантелея Осипова’. Поскольку, однако, обозначения жены не только по имени, но и по отчеству мужа (типа летописного *Гюргевую Олькшинича* [НПЛ: 42]) в берестяных грамотах не встречаются, первую версию следует принять в качестве основной. В этом случае перед нами фрагмент списка жен или вдов новгородцев. О его прагматике можно только догадываться; ср. в той же НПЛ под 6740 (1232) г.: «князь пусти к нимъ жены: Борисовую, Глѣбовую, Мишиную, а мира не взя».

№ 1167. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Целый документ — ярлычок.

пътрово

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1260-х гг., предпочтительно 1340-е — 1390-е гг.

Надпись может быть прочитана двояко: как ⟨*Петровъ*⟩ и как ⟨*Петрово*⟩. При обеих трактовках ъ соответствует стандартному *е*, что подразумевает произношение [п’отр-]. Но если в первом случае мы имеем дело с двусторонним смешением графем (замена *о* [’о] на ъ в первом слоге и замена ъ на *о* в последнем), то во втором графика оказывается более последовательной: [о] дважды передается как *о*, а [’о] записывается как ъ. Разумеется, располагая лишь тремя позициями, говорить о графической закономерности не представляется возможным. Однако проверка всего фонда берестяных грамот на предмет существования такой закономерности приносит неожиданный результат. Грамота № 252, датируемая второй половиной XIV в., содержит следующий текст: … ---- [*снох*]*у есть у мьн*|*ь убилѣ а живото есть* | *у мьнь розграбилѣ лѣзни* | *мѧ въ плищь … і снохою і своімъ грабь*|*жъмъ поедъмъ в го*|*родъ к*[*у*]*н*[*у п*]*ок*[*лад*]

ъ|(*ше*). Исключив из рассмотрения спорный фрагмент *лѣзни мѧ въ плищь*, констатируем следующее использование графем при записи слогов типа [то], [т’е], [т’о] и конечных согласных:

[To]	**то** 9	*сн**о**ху*, *жив**о**то*, *р**о**зграбилѣ*, *сн**о**хою*, *св**о**імъ*, *п**о**едъмъ*, *г**о**р**о**дъ*
[T’e]	**ть** 5	*м**ь**н**ь***, *м**ь**н**ь***, *граб**ь**жъмъ*
[T’o]	**тъ** 2	*грабьж**ъ**мъ*, *поед**ъ**мъ*
[T]	**тъ** 5 (**то** 1)	*своім**ъ***, *грабьжъм**ъ***, *поедъм**ъ***, *город**ъ***, *поклад**ъ***|(*ше*) / *живот**о***
[T’]	**ть** 2	*ест**ь***, *ест**ь***

За исключением второго *о* в слове *живото*, возможно, спровоцированного предыдущим *о*, эти написания складываются в последовательную систему. А именно:

— для записи слога [т’о], встречающегося только перед твердыми согласными, используется та же буква — *ъ*, с помощью которой обозначается твердость конечного согласного;
— для записи слога [т’е], за которым (в середине слова) может следовать только мягкий согласный, используется та же буква — *ь*, с помощью которой обозначается мягкость конечного согласного;
— для записи слога [то], не имеющего контекстных ограничений, используется та же буква — *о*, которой обозначается [о], образующее отдельный слог.

Эту систему можно рассматривать как результат модификации обычного варианта или, точнее, вариантов позднедревнерусской бытовой графики, в которых запись слога [т’е] также неотличима от обозначения конечного мягкого согласного, но при этом обозначение конечного твердого согласного объединяется не с [т’о], а с [то]. Слог [т’о] в рамках этой системы не имеет специального обозначения, объединяясь с [т’е] или, реже, с [то]. Введя такое обозначение и графически противопоставив слоги трех типов, писец грамоты № 252, по существу, решил задачу, которая в стандартной русской графике была решена только в XVIII в. введением в нее буквы *ё*.

Тот факт, что в грамоте № 252 частичным аналогом *ё* выступает *ъ*, неотделим, как видим, от использования в ней *ь* для обозначения [е] в середине слова. Такое употребление букв *ъ* и *ь* заставляет вспомнить, что в хорватской и белорусской филологических традициях эти буквы называются, соответственно, *jor* и *jer* (в белорусском — *ёр* и *ер*). Эти названия фигурируют и в грамматике «простой мовы» Иоанна Ужевича — по всей вероятности, белоруса по происхождению [Ужевич: л. 5]. Такое обозначение букв прозрачно корреспондирует с отсутствием в языке противопоставления твердого и мягкого *r*, нейтрализующим оппозицию *еръ* и *ерь*. Однако оно едва ли представляет собой ученое изобретение — скорее, источником могло явиться народное произношение названия буквы *ъ* как [йор], сосуществовавшее с книжным [йер] и противопоставленное названию буквы *ь* не только твердостью конечного согласного, но и качеством гласного. Это двойное противопоставление могло сыграть роль дополнительного, «азбучного» фактора возникновения графической системы, представленной в грамоте № 252 и, возможно, также в комментируемой грамоте.

№ 1168. Троицкий раскоп. Последняя строка документа.

… (дав)⸗
ꙑдъ парфинъ з братаномъ лука ванов(-)

Последняя буква находится на самом краю берестяного листа; конечный *ъ* мог быть утрачен при обрезке грамоты.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1360-х гг.

Почерк тот же, что и в № 1170; возможно, это окончание того же документа.

Перевод: '… Давыд Парфин с двоюродным братом, Лука Иванов'.

Скорее всего, перед нами перечисление послухов, завершавшее официальный акт.

Парфа — гипокористика имени Парфений, ср. название поселка Парфино на Ловати, в 20 км от Старой Руссы.

В *Лука Вановъ* скорее, чем отражение особой формы имени *Иванъ* с усеченным начальным гласным, следует предполагать необозначение (или фонетическую утрату) йота, возникшего из [и] в слитном произношении: [лукајванов]. Параллель к форме **Ванъ* могло бы составить имя *Ванко*, предположительно выделяемое в № 87 (кон. XII в.). Однако контекст употребления — *къ Ваноукоу* (с предвосхищением *оу*) — делает более вероятным присутствие в грамоте графического смешения *ы* с *ъ*, маскирующего произношение [кыванкоу], возникшее после падения редуцированных. В настоящее время этот эффект зафиксирован уже в целом ряде берестяных грамот (19, 122, 361, 662/684, 907, 960, 1000, 1007, 1047, 1054). Нет оснований выделять основу *Ван-* и в № 154 (нач. XV в.) и № 178 (кон. XIV в.), где имя выступает после союза *и* и где, по-видимому, имеет место графическое упрощение *ии* > *и* (*іі* > *і*) [ДНД: 591, 673].

№ 1169. Раскоп Досланьский II. Средняя часть разорванного по горизонтали документа, без правого края.

… дєтємъ · и ко ꙗкуnовъıмъ · дєтєм(ъ · и ко иє)=
[л]имъ дєтємъ · и ко{и} всимъ · помужьникамъ · и к(о всимъ)
скотnика · вамъ · ѿ томъ · мnого · кланаѥмсѧ [є]------
єстьчь · nє єхалє · занєжє · куnъ · у насъ (nєту nи иnого)
[цєго] а мъı …

Размер утраты устанавливается на основе однозначной конъектуры для конца второй строки. С учетом этого безальтернативными представляются и конъектуры для конца первой и четвертой строк. Реконструкция (*ко Иє*)|*лимъ детемъ* (то есть к детям Иева (Иова), с отражением новгородского перехода *вл'* > *л'*) объясняет и написанное далее по ошибке *и* после *ко*: писавший начал опять слово *Иєлимъ*. Для конца 4-й строки см. параллель в № 765: *ни мат*[*л*]*ѧ ни и*⟨*н*⟩*ого цого*. В конце третьей строки должен был находиться изъяснительный союз и еще одно слово. Возможные варианты: [*є*](*же ныне*) и [*є*](*же нашь*).

Скотника в 3-й строке — явная описка (пропуск слога *мъ*).

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х, предпочтительно не ранее 1340-х гг. — не позднее 1390-х гг.

Перевод: '…, к … детям, и к Якуновым детям, и к Иевлевым детям, и ко всем помужникам и ко всем скотникам. Много кланяемся вам в связи с тем, что в этот раз посыльный к вам не поехал, поскольку нет у нас ни денег, ни чего иного. А мы…'

Так как утраченная верхняя часть документа была, вероятно, сопоставима по размеру с сохранившимся фрагментом, адресная формула должна была обладать беспрецедентной для берестяных грамот длиной. Такое пространное перечисление адресатов находит соответствие в знаменитом пергаменном акте XV в. — грамоте Палеостровскому монастырю, выданной от лица «скотников и помужников Толвойской земли» — корпорации, осуществлявшей управление Толвуйским погостом в Заонежье. Список членов этой корпорации открывается именами посадника Андрея Ивановича и тысяцкого Дмитрия Васильевича и включает имена 20 человек (по всей вероятности, бояр), некоторые из которых упомянуты «с детьми». Поскольку сходным образом управлялись, вероятно,

и другие новгородские территории, локализовать грамоту на основе данной параллели было бы невозможно, если бы не следующее обстоятельство: среди «скотников и помужников» грамоты Палеостровскому монастырю значится известный нам Демьян Яколь, отождествляемый с Демьяном Яковлевичем из грамоты № 1160. Последняя происходит с того же раскопа, что и комментируемый документ, и залегала в земле примерно на 70 см выше. Это делает весьма вероятным, что грамота № 1169 была отправлена из Заонежья и что в лице ее адресатов мы имеем дело с той же управляющей корпорацией, что и в грамоте Палеостровскому монастырю, только примерно на 70 лет раньше (средняя скорость нарастания культурного слоя Новгорода — сантиметр в год). С этой точки зрения показательно также присутствие в пергаменном акте Иева Олфоромеева: учитывая повторяемость фамильных имен, в нем можно предполагать внука Иева, дети которого упоминаются в нашей грамоте.

Сочетание «скотники и помужники» представляет значительный интерес. Никакие другие источники, кроме названных, его не знают; только в этих двух текстах представлено и слово *помужникъ*. Термин *скотникъ* встречается между тем в ряде новгородских актов XIII–XV вв.: это грамота великого князя Андрея Александровича на Двину 1294–1304 гг., адресованная «к посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ» [ГВНП, № 83], и две рядные грамоты XV в., в которых упоминаются скотник Яков Марфин (№ 303) и «скотничьи куны» (№ 191). Новая находка не позволяет согласиться с В. А. Кучкиным [2008: 407], считающим, что «скотники» являются в этих документах искажением слова «сотники»: в том, что мы имеем дело с аутентичным термином, теперь не может быть сомнений. Нет оснований и предполагать происхождение слова от *скотъ* в значении ‘скотина’. Согласно С. З. Чернову, чья точка зрения представляется наиболее близкой к действительности, из контекста грамоты Палеостровскому монастырю следует, что «в скотниках и помужниках нужно видеть кормленщиков, осуществлявших сбор налогов (“скотник” — от “скот” — имущество, “помужник” — от “муж” — правоспособный хозяин двора, плательщик податей), суд, контроль за торговлей и руководство штатом тиунов и доводчиков» [Чернов 2021: 136]. Эта трактовка нуждается, на наш взгляд, в единственной поправке: *скотникъ* является производным от *скотъ* не в значении ‘имущество’, а в значении ‘деньги’. В этом значении слово является семантическим заимствованием из древнескандинавского *skattR* [Циммерлинг 2022], ср. [Назаренко 2003: 151–155]. Особенно значим для толкования интересующего нас сочетания контекст из рассказа Повести временных лет о сборе новгородцами денег для военной поддержки Ярослава в 1018 г.: «И начаша **скотъ** брати ѿ **мужа** по четыри куны, а ѿ старостъ по 10 гривенъ, а ѿ боꙗръ по осмидесѧть гривенъ». Ср. также примеры из берестяных грамот, в которых место «мужей» занимают «люди»: *то дикати* ***людъе***, *а за ними* ***скотъ*** № 877/572 (сер. XII в.), *оу тьбѣ жрьбье,* ***скоть по людьмо***, *ни тоу тобѣ тощины вѣкшѣ одоное* № 222 (1 четв. XIII в.). Ср., с другой стороны, № 509 (2 пол. XII в.), где слово *скотъ* отсутствует, зато в качестве налогоплательщиков выступают «мужи»: *А отрокоу въдаите по коунѣ* ***моужь***.

В свете этих примеров кажется излишним предполагать какое-либо социальное различие между «скотниками» и «помужниками»: скорее перед нами парное обозначение одной и той же группы лиц, в обязанности которой входил сбор «скота» «по мужам». Парные структуры такого рода представляют собой фигуру гендиадиса (выражение одного понятия через сочетание двух лексем), на славянском материале описанную А. А. Потебней. Ср., например, следующий контекст из былины об Илье Муромце:

Едет старой-от путем дорогою,
А стоит ту сорок тышяць лихих воров,
Да стоит сорок тышяць разбойников,
Да ише сорок тышяць стоит подорожников.

Как замечает Потебня, комментируя этот пассаж, «для певца и слушателей “воров, разбойников, подорожников” было только 40, а не трижды сорок тысяч» [Потебня 1968: 226].

Важно заметить, что не только слово *скотъ* в значении ‘деньги’, но и *мужь* как обозначение свободного человека выступает почти исключительно в грамотах раннего периода. Хронологическое распределение в берестяных грамотах слов *мужь* (не в значении ‘супруг’) и *человѣкъ* выглядит весьма выразительно:

	мужь	**человѣкъ**
1050–1240	**15**	**1** (Смол. 12, 1140–1160)
1240–1450	**1** (№ 775, 1280–1300)	**17**

Использование сочетания «скотники и помужники» в текстах XIV–XV вв. предстает на этом фоне как реликт архаичной социальной терминологии домонгольского периода[2].

По содержанию грамота сходна с № 1140 (нач. XIII в.), также сообщавшей, что посыльный, доставлявший в город дань, не был отправлен, поскольку отправить его было не с чем. В нашем случае посыльный обозначен как *ѥстьчь* — это слово мы предлагаем трактовать как ⟨*ѣздьць*⟩, записанное с заменой *зд* на *ст*; ср. встреченные уже в нескольких берестяных грамотах и известные также из книжных памятников северо-западного происхождения случаи непозиционной мены глухих и звонких согласных, возможно, связанные с прибалтийско-финским субстратом [ДНД: 614; Крысько 1998: 88; Бобрик 2014; Гиппиус, Сичинава 2021: 183]. Предполагать это явление в грамоте, присланной из Заонежья, есть все основания, тем более что оно, по-видимому, нашло отражение и в пергаменной грамоте Палеостровскому монастырю. На снимке акта, любезно предоставленном нам И. Ю. Анкудиновым, видно, что в сочетании *Ермола Ѡмельяновъ с дѣтми* буква *д* переделана из *т*, то есть первоначально было написано *с тѣтми.*

Ѣздецъ — синоним к более распространенному *ѣздокъ*, до сих пор фиксировавшийся лишь в поздних памятниках [Слов. XI–XVII, 5: 38] и известный прежде всего как обозначение всадника в гербе Московского государства. Ср. в повести XVII в., с такой же, как в грамоте, figura etymologica: «и отѣха злый той ѣздец» [Скрипиль: 106][3]. Сохраненный сильный *ь* в суффиксе, по-видимому, — дань орфографической традиции, ср. также *ь* в *помужьникамъ*.

№ 1170. Троицкий раскоп. Фрагменты пяти строк из середины документа, без правого края. Верхний край с левой стороны сохранился, следовательно, грамота была написана на двух или более листах.

…|**ръ рьце сеи си**…
педъ боѧрꙑ не вѧзанъ ѥсмь ни …
лъ ѡже не битъ а реклъ тако ꙗ…
не в городъ и дорѧд…
цевъ …
…

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг., не позднее 1390-х гг., предпочтительно 1380-е — 1390-е гг.

Грамота содержала протокол судебного заседания и цитировала речи его участников. Фон для ее истолкования составляют русские судебные документы XV–XVI вв. — судные

[2] В новгородских пергаменных актах слово *мужь*, помимо значения ‘супруг’, выступает только в специализированном значении свидетеля при заключении сделки. Ср. упоминание «мужей» как судебных заседателей в документах, цитируемых ниже в комментарии к грамоте № 1170.

[3] В более раннюю эпоху находим, с другой огласовкой корня, *яздець* в «Диоптре» Филиппа Пустынника, переведенной в XIV в. [НКРЯ].

списки и «правые» грамоты (о противопоставлении этих категорий см. [Калашникова 2018]). С известным формуляром этих грамот текст нашего фрагмента демонстрирует лишь частичное пересечение, что характерно и для других материалов документального характера, выявляемых среди берестяных грамот.

Примечательным образом глагол *речи* представлен в 3 л. ед. ч. сразу двумя формами прошедшего времени — аористом *рьце* и перфектом (*л*-формой) *реклъ*. Надо полагать, формы аориста образовывали нарративный каркас документа, тогда как *л*-формы выступали в составе прямой речи. Именно так строится текст древнейшей сохранившейся новгородской правой грамоты, дошедший в виде записи в рукописи Бесед Григория Двоеслова на Евангелие (РГБ, Погод. 70) и датируемый 1430–1450-ми гг. [ГВНП 2, № 146]. На *-ръ* в начале 1-й строки явно заканчивалось имя одного из участников процедуры, например, (*Федо*)*ръ*. Указательное местоимение *сеи* могло стоять при имени другого лица (ответчика?), начинавшемся на *Си*… (остатки еще двух букв допускают реконструкцию *Си*[*ма*](*нъ*)). Ср. в той же правой грамоте: «Се позва Давидъ бра^{т} своего Нестера … с полиснимъ на су^{д}… А ркѧ та^{к} Дв҃дъ: **Тѣі**, г(оспо)до, **Несто^{р}** ⟨мьнь⟩ кує муци, а ѩ ему не | виновате».

Педъ в начале второй строки — очевидное *передъ* с пропуском слога; ср. такой же пропуск в № 142 (нач. XIV в.): *педъ людми.* Не исключено, что в обоих случаях мы имеем дело не с опиской, а с аллегровым сокращением (как явление того же порядка мы выше трактовали запись *Лука Вановъ* в грамоте № 1168, написанной той же рукой).

Дальнейшая интерпретация грамоты зависит от оценки длины утраченной правой части. Возможность установить ее дает конъектура для окончания второй строки: *не вѧзанъ есмь ни* [*б*](*итъ бы*)|*лъ*. Продолжение *ѡже не битъ* и сохранившийся угол буквы после *ни*, подходящий для *б*, делают эту конъектуру практически гарантированной. Длина 2-й строки составляет в таком случае 29 букв — ровно столько, сколько содержит единственная строка грамоты № 1168. Это совпадение может трактоваться двояко: или две грамоты являются частями одного документа (что кажется более вероятным), или же перед нами два документа, написанные писцом, использовавшим один и тот же формат берестяного листа. Так или иначе, длину грамоты № 1170 можно считать установленной.

Сочетание *пе*⟨*ре*⟩*дъ боѧры* замечательно уже тем, что это первое упоминание бояр в берестяных грамотах (не считая реконструируемого (*б*)*ариновымъ* в № 1137 —притяжательного к *баринъ*, возникшего путем фонетического упрощения из *бояринъ*). Бояре явно выступают здесь в качестве некой судебной коллегии. О существовании такой коллегии мы знаем из Новгородской судной грамоты, 27-я статья которой посвящена «докладу» — суду высшей инстанции, осуществлявшемуся десятью присяжными («докладчиками»), поровну представлявшими бояр и житьих людей: «А докладу быти во владычне комнате, а у докладу быть из конца по боярину да по житьему да кои люди в суде сидели, да и приставом, а иному никому же у доклада не быть» [РЗ, 1: 306]. Институт доклада упоминается и в актах Московского государства XV–XVI вв., причем в одном из них, разъезжей грамоте 1525 г., встречаем сочетание *на докладе / у доклада перед бояры* [АФЗХ, 1: 167], которое, в принципе, хорошо вписывается в контекст нашего документа: (*Федо*)*ръ рьце*: *сеи Си*[*ма*](*нъ реклъ на докладѣ*) *пе*⟨*ре*⟩*дъ боѧры*: *не вѧзанъ есмь ни* [*б*](*итъ бы*)|*лъ*. Длина первой строки составляет при этом те же 29 букв. Впрочем, сочетание *передъ бояры* встречается в правых грамотах и без упоминания «доклада». Так, в рязанской грамоте 1457–1462 гг. перед боярами рассматривается дело о краже пчел, совершенной паробком Федорцем у Кузьмы Зыкова. Показательно, однако, что и здесь мы имеем дело с судом второй инстанции, которому предшествовало разбирательство на месте, произведенное отряженными для того специальными «мужами». «И те мужи, пришед перед бояр, да те речи по тому ж боярам рассказали, как Кузма говорил. И тот Федорец перед ними не заперса того, что он у Кузмы пчелы украл, и с теми пчелами Кузма его ял, потому его обмужевали и вину положили. И положили перед бояры обои мужи тех пчел украденных поличных пчел» [АСЗ, 3: 130].

Смысл заявления, сделанного ответчиком «перед боярами», проясняет параллель из «Вопрошания» Кирика. Комментируя зачитанное Кириком правило из Номоканона

Иоанна Постника, запрещающее посвящать в сан человека, уличенного в краже, Нифонт говорит: «Аже боудеть, ре[ч], татьба велика, а не оуложать ѥѥ ѡтаи, нъ силноу прю съставѧть передъ кнѧземъ и передъ людьми, то не достоить того ставити дьꙗкономь. И ѡже ли ѡкраде[с], а то оуложать ѡтаи, то достоить. *Аже паробъка господа* ***вѧжють бьють*** *оукрадъшаго что любо, достоить ставит*» [ВК: 46]. Последняя фраза означает: ‘Если он (кандидат в дьяконы) в бытность паробком был связан и бит господами [за кражу], то можно ставить’. Как и в этом примере, в грамоте имеется в виду положение дел, относящееся к отдаленному прошлому: говорящий отрицает не то, что он был связан и избит в рамках разбираемого казуса, а то, что факт задержания за кражу ранее имел место в его биографии. В делах о татьбе это был принципиальный вопрос, от которого зависела судьба обвиняемого. Так, Уставная грамота Двинской земле 1397 г. назначает за впервые совершенную кражу штраф в размере стоимости украденного, за повторную — неограниченный штраф, а за третью кражу — смертную казнь[4].

Подтверждение такой интерпретации находим в правой грамоте 1503 г., оформившей судебное решение по тяжбе о краже сена. В конце долгого разбирательства, включающего выступление истцов и расспросы приставов и «погонных мужей», участвовавших в изобличении вора, крестьяне заявляют, что обвиняемый Гридька Тавелга «лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба». Они сообщают о еще одной краже, за которую Гридька был судим князем Андреем Васильевичем и бит кнутом. Следует вопрос судьи к обвиняемому: «Перед князем Ондреем Васильевичем в том деле суд тебе был ли и **бит ли еси** кнутом в той татбе со княж Ондреева суда?» Гридька отвечает: «Суд мне, господине, в той татьбе был, и князь Ондрей Васильевич велел меня пытати в той татьбе и кнутом бити, и они меня, господине, и били, да не допыталися». Ответчика признают виновным и выдают истцам «на казнь по Судебнику» [Каштанов 1970: 413].

В нашем случае отрицание ответчиком факта рецидива потребовало от истца (или судьи) дополнительных действий. Условное придаточное *ѡже не бить, а реклъ тако* следует переводить как ‘если не бит и заявил об этом’, трактуя союз *а* как соединительный. Обстоятельство места *въ городъ* предполагает глагол со значением ‘пошлю’ или ‘поеду’. Нужную длину строки дает реконструкция: *ꙗ*(*зъ ѥду ны*)|*не в городъ и* … В продолжении строки должно было находиться однородное с *ѥду* сказуемое. Поскольку фрагмент *дорѧд* не может принадлежать словоформе 1 л. ед. числа, для него мыслимы лишь две интерпретации: это может быть или причастие *дорѧдивъ*, или существительное *дорѧдъ* (или *дорѧда*) в винительном падеже. И глагол, и существительное, отсутствуя в исторических словарях русского языка, имеются у В. И. Даля. Здесь находим: «рядить (наряжать, снаряжать, подряжать) прибавочно, дополнять: рядить до чего, до каких последствий. ⟨…⟩ Рядил было он рабочих, да не дорядил. Доряди прибавочных рабочих. Судили, рядили, да ни до чего не дорядили» [Даль, 1: 475]. С опорой на последний пример значение глагола в грамоте можно было бы определить как ‘довести до конца судебную процедуру’. Однако фрагмент *цевъ* в начале пятой строки делает более вероятным другое предположение: речь может идти о доборе недостающих «рядцов», участвующих в решении дела; возможна, в частности, реконструкция: *и дорѧд*(*ивъ*, *приведу рѧд*)|*цевъ*. В чем могла состоять цель такого «доряда», помогает понять статья 12 Судебника 1497 г. Она постановляет, что, даже если за ответчиком не числится обвинения в ранее совершенной краже (а именно это утверждает о себе наш ответчик), сделанное под присягой заявление пяти-шести «добрых людей» о том, что он «тать», позволяет взыскать с него стоимость украденного без разбирательства дела по существу[5].

[4] «А татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличатъ, продадутъ его не жалуя; а уличатъ втретьие, ино повѣсити» [ГВНП: 145, № 88]. Изданный столетием позже Судебник 1497 г. идет еще дальше, предписывая карать смертью уже за вторую кражу [РЗ, 2: 55].

[5] «А на кого взмолвят детей боярскых человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человек пять-шесть добрых христиан целовалников, что он тать,

С конъектурами разной степени гипотетичности текст можно реконструировать в следующем виде:

> …(Федо)|**ръ рьце: сеи Си**[ма](нъ реклъ …) | **пе**⟨ре⟩**дъ боѧры: «не вѧзанъ ѥсмь ни** [**б**](**итъ бы**)|**лъ». Ѡже не битъ, а реклъ тако, ѩ**(зъ еду ны)|**не в городъ и дорѧд**(ивъ … рѧд)|**цевъ**…
>
> ‘…Федор сказал: этот Симон (сказал …) перед боярами: «Я не был вязан и бит». Если не бит и заявил об этом, то я теперь (поеду) в город и, дорядив рядцов, … ’

Абстрагируясь от деталей, отраженную грамотой судебную процедуру можно трактовать как включавшую по крайней мере три фазы: первоначальное рассмотрение дела, разбирательство «перед боярами» и какое-то заключительное решение, принятое по результатам «доряживания», которое и зафиксировала грамота. По всей вероятности, она состояла из нескольких листов бересты. Грамота № 1168, скорее всего, сохранила конец этого документа с перечислением присутствовавших на суде лиц. Ср. окончание правой грамоты 1503 г.: «А на суде были у дворецкого Костянтина Третьяк Губинъ, да Семен Коньплед, да Исак Давыдов, да диак дворцов Лука Семенов сын» [Каштанов 1970: 413].

Из отраженных грамотой языковых явлений отметим аорист от основы *рьк*-, засвидетельствованный и в новгородских пергаменных грамотах XV в.: *рче*, *рце*, *ркоша*, *соркоша* ([ГВНП, № 60, 72, 92, 132]; см. [Шахматов 1903: 123]). Для новгородской деловой письменности такое употребление можно считать нормативным: формы *рече*, *рекоша* в пергаменных грамотах отсутствуют. Формы *рче*, *ркоша* широко представлены также в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, созданном в 1440-х гг., при том что в пергаменном Синодальном списке XIII–XIV вв. они отсутствуют. По-видимому, в памятниках XV в. их следует рассматривать не как архаизмы, а как новообразования на основе *л*-формы *ркли*, нередкой в деловых текстах этого времени.

Отметим также характерный порядок слов в реконструируемом *не вѧзанъ ѥсмь ни* [*б*](*итъ бы*)|*лъ*: стоящая в перфекте связка оказывается поделена между двумя частями фразы: *ѥсмь* примыкает к первой именной составляющей сказуемого, а *былъ* ко второй. Этот порядок может объясняться тем, что в действительности *былъ* присоединяется к готовой презентной конструкции *не вѧзанъ ѥсмь ни битъ*, переводя ее в перфект. При этом, поскольку исходная конструкция уже содержит отсылку к прошлому (ср. в № 415 [сер. XV в.]: *оубиле мя пасынке и выгониле мя изо двора … оубита есемо*), добавление *былъ* смещает ситуацию еще на один шаг назад, создавая то, по существу плюсквамперфектное, значение отдаленного прошлого, которое мы выше и констатировали в этой фразе. При таком понимании ее структуры фраза может служить иллюстрацией «ретроспективного сдвига», функция которого, по В. А. Плунгяну [1998], как раз и состоит в смещении уже локализованной в прошлом ситуации в плюсквамперфектную зону «сверхпрошлого».

№ 1171. Шурф у Иоанновского раскопа.

> г҃же · анѣ целомъ бие · труха · и х҃ртнѣ · бр=
> оцкии ·· и г҃ну · о·ндрѣю и · о·лександру · о·спо=
> до изъбижени есмѧ · оᵗ · степанца · оᵗ · поса=
> дница · изима·въ кондратка · взѧлъ
> на немъ · ----- (а на о)[нуфр]ѣикѣ ·г· рубри
> ро…

В первом слове после *г* — вертикальный штрих начатой, но недописанной буквы: возможно, писец собирался написать *г҃ну*, но передумал, решив начать перечисление адресатов с госпожи. В 5-й строке в слове *рубри* описка: *р* вместо *л*.

а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцеву гыбель без суда» [РЗ, 2: 55–56].

Вероятная конъектура для лакуны в 5-й строке: *рубль*.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х, предпочтительно не ранее 1340-х гг. — не позднее 1390-х гг. Расхождение со стратиграфической датой может объясняться пожилым возрастом писца.

Перевод: ‘Госпоже Анне, и господину Андрею, и Александру бьет челом Труха и крестьяне бродские. Господа, нам нанес ущерб посадничий Степанко: схватив Кондратка, взял с него (рубль), а с Онуфрейка три рубля…’

Близкую параллель к адресной формуле представляет грамота № 307 (2 четв. XV в.): *Осподѣну Онд*(*рѣꙗ*)[*н*]*у Михаиловицю*, *Оспо*[*д*](*ѣ*)*ну Микыти Михаило*⟨*ви*⟩*цю*, *Оспож*(*ѣ н*)*ашеи Настасѣи Михаиловѣ женѣ чоломъ бѣю хрѣстьꙗнѣ избоищꙗнѣ*. В обоих случаях перед нами обращения к вдове феодала и его двум сыновьям. Но в № 307 сыновья упоминаются первыми, автор же комментируемой грамоты решил — как видим, после некоторых колебаний — поставить на первое место вдову.

В *изъбижени* вместо *о* стоит ъ, и это не случайная уступка бытовой орфографии. В аналогичной позиции и на фоне в остальном стандартной орфографии находим ъ в № 1094 (кон. XIV в.): *к Ъфоносу*, а также в ряде пергаменных грамот XIV–XV вв.: *в ъднои лодьи*, *и в ъпасъ свои*, *в ътьдѣли*, *с ъбѣ половинѣ*, *с ъбѣ сторонѣ* [ГВНП, № 44, 46, 163, 204, 300]. Принцип такой записи понятен: ъ мыслится как стоящий в конце приставки/предлога перед последующим гласным, но одновременно обозначает сам этот гласный.

Труха — гипокористика от *Труфанъ* (Трифон), совпадающая с апеллятивом *труха*.

Грамота замечательна с точки зрения социальной дифференциации именослова. В этом отношении четко противопоставлены имена адресатов, с одной стороны, и авторов — с другой. Первые обозначены полными формами имен, при этом сами имена принадлежат к числу традиционных, престижных: Анна, Андрей, Александр. Крестьяне же, как и представляющий их интересы автор челобитной, представлены гипокористиками имен, по всей вероятности, данных по месяцеслову: Труха (Трифон), Кондратко, Онуфрейко. Промежуточное положение между двумя группами занимает обидчик — посадничий Степанец: подобно господам, он носит традиционное имя, но при этом, подобно крестьянам, назван его уменьшительной формой. По-видимому, такое обозначение неслучайно: в отличие от крестьян, обозначение которых гипокористиками для той эпохи совершенно нейтрально, в отношении представителя привилегированного слоя оно является маркированным и выражает негативную оценку.

Впервые на бересте встретилась форма 1 лица мн. числа *есмꙗ*, отсутствие которой в берестяных грамотах специально отмечал А. А. Зализняк, приводя примеры из пергаменных грамот, в том числе новгородских [ДНД: 139].

№ 1172. Иоанновский раскоп. Письмо из двух строк с утраченным правым краем. Судя по характеру обрыва, утрачен был совсем небольшой фрагмент.

+ **ѿ тоудора к алѣкъши продає шидоу** [**в**]…
идєть ти монаго

У *в* в конце 1-й строки горизонтальные штрихи не сохранились, что делает букву похожей на *к*, однако два бесспорных *к* выглядят иначе.

Стратиграфическая дата: четвертая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1180-е — 1210-е гг.

Вероятная реконструкция (при допущении минимальной утраты справа): + **ѿ Тоудора к Алѣкъши. Продае шидоу** [**в**](**ъхоу**)**,** | **идеть ти монаго**.

Перевод: ‘От Тудора к Олекше. Продай весь шелк, на подходе большая партия’.

Перед нами записка, адресованная купцу. Смысл ее ясен: шелк надлежит продать, пока на рынок не поступил находящийся в пути товар, что неизбежно приведет к падению цены.

Шида — шелк[6]; согласно [Фасмер, 4: 437], заимствование из ср.-лат. *sēta* (*sērica*) '(китайская) шерсть' при посредстве др.-верх.-нем. *sîda* или ср.-верх.-нем. *sîde*. Пример на 200 лет опережает первые словарные фиксации слова и его производных *шидныи* и *шидянъ* [Там же].

Монаго — вместо *моного,* гиперкоррекция по аналогии с заменой *-ого* на *-аго* в Р. ед. муж.-ср. адъективного склонения. Этот ошибочный «пересчет» мог произойти лишь при наличии в диалекте писца нового окончания *-ого*, которое как раз в эту эпоху появляется в берестяных грамотах. Данное написание укрепляет версию о гиперкорректной природе окончания *-аму*, представленного в *дьцьскамоу* в № 222 (1 четв. XIII в.) и *дѣтьскамоу* Ст. Р. 8 (1 пол. XII в.) и известного также из книжных памятников [ДНД: 129]: последнее может представлять собой результат аналогичной замены *о* на *а*, производимой внутри адъективной парадигмы. Заметим, что искусственность записи *дьцьскамоу* выдает и суффикс *ьск*, добавленный к *ц*, возникшему на стыке морфем после утраты слабого редуцированного.

К Алѣкъши — еще один пример рефлексации сочетания ъ + *о* в виде *а*; см. [ДНД: 74]. Характерно, что это явное следствие утраты слабого ъ обнаруживается на фоне его сохранения в суффиксе, а также в *монаго*; о природе такого опережающего отражения на письме последствий утраты слабых редуцированных см. [Гиппиус 2020: 25–26].

Старая Русса

В 2023 г. в Старой Руссе были продолжены работы на Пятницком-II раскопе, расположенном в историческом центре города. Исследования производились археологической экспедицией Новгородского государственного университета (руководитель экспедиции Е. В. Торопова). При изучении пласта 22 в северо-западной части усадьбы «Б» были найдены берестяные грамоты № 55 и 56, в центральной части усадьбы обнаружена берестяная грамота № 58. Грамота № 57 найдена в пласте 25 в юго-восточной части изучаемой усадьбы. Слои, в которых были найдены эти документы, предварительно датируются серединой — второй половиной XII в.

Грамоты № 55 и 56 — небольшие фрагменты, написанные одной рукой и скорее всего принадлежащие одному документу. № 55 содержит окончание первой строки: …[л]ава къ ми|… — явно обрывок адресной формулы, например, (*отъ Мирос*)[*л*]*ава къ Ми*(*халю*). В № 56 сохранилось начало последней строки, в котором предположительно опознается слово 'месяц': …|ка м[ѣся](ц)- … Другие два документа представляют больший интерес.

Ст. Р. 57. Сохранилась первая строка без левого края и верхи от части букв второй строки.

(… у т)[у]дорка кдь у ждадѣна кдь у пировѣе кдь у облика кдь у їлькь кдь
…[виц]а к[дь у кузьм]ѣ [кдь у завидица] (к)[д](ь)

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1200-х гг., не позднее 1270-х гг.

Перед нами фрагмент реестра натурального сбора. Объемы продукта указаны в кадях; это может быть как зерно, так и обычная для Старой Руссы соль. Среди названных имен преобладают (в соотношении 5 к 3) древние славянские.

Пировая — жена или вдова человека по имени *Пиръ*. Последнее может быть как самостоятельным антропонимом, так и усеченной формой древнего двухосновного имени

[6] Чтение предложено А. В. Птенцовой. Альтернативная трактовка этой словоформы как Д. ед. личного имени *Шидъ*, отразившегося в названии *Шидовичи*, упомянутом в грамоте № 789 (2 пол. XI в.), менее вероятна, так как заставляет предполагать утрату еще одного слова в конце первой строки.

Пирогость, отразившегося в новгородской топонимии (д. *Пирогоща* в Холмском погосте Деревской пятины), а также в названии знаменитой киевской церкви и иконы Богородицы, см. [Васильев 2012: 282; ЕСЛГН: 131–132].

Обликъ — ранее не встречавшееся префиксально-корневое имя типа *Обрадъ* или *Обидъ* (< *Obvidъ) [Васильев 2012: 104, 249]; для редкого корневого элемента параллель составляет *Семоликъ* в № 1059 [Гиппиус, Сичинава 2021: 232–233].

Ст. Р. 58. Небольшой фрагмент из середины письма.

… [є]·--[п]оу · а [жє]…
… · а · **кроу·тє** · [є]**и** · **н**…
…[а]**болю** · а · **са·м**[є] …
(…)

Грамота написана размашистым почерком, со значительной вариацией в размере и начертаниях одних и тех же букв; слоги факультативно разделяются точками.

Внестратиграфическая оценка: не позднее 1320-х гг., предпочтительно не позднее 1290-х гг.

В первой строке опознается слово *епископу.* Во второй уверенно выделяется словоформа *кроуте*, в которой с высокой вероятностью можно видеть Р. ед. существительного *крута*. В [Слов. XI–XVII, 8: 88] слово фиксируется (с XV в.) в значениях ‘женские наряды, украшения’ и ‘оклад и другие украшения на иконах’, однако в севернорусских говорах оно также широко представлено в значении ‘приданое’ [СРНГ, 15: 323], что кажется более подходящим к контексту. Реконструируемая фраза — *а кроуте* [*е*]*и н*(*е дасть*) — заставляет вспомнить грамоту № 9 (2 пол. XII в.), знаменитое письмо от Гостяты к Василю с жалобой на мужа, не отдающего приданое: [*Е*]*же ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли, а то за нимь. А нынѣ водѧ новоую женоу, а мънѣ не вьдасть ничьто же.* Это сходство позволяет предполагать, что на *же*… в первой строке начиналось слово *жена*, например *а же*(*ноу поустиле*)… (ср. продолжение текста в № 9: *Избивъ роукы поустилъ же мѧ, а иноую поѧлъ*). Объяснимо в этом случае и упоминание епископа: расторжение брака могло происходить при его участии. См. в «Вопрошании Кирика»: «А иже то роспоустила сѧ малжена, и передъ тобою, вл^д^ко, тѧгавша сѧ, что тѣмъ ѡпитемьѧ?» [ВК: 48].

С учетом сказанного, а также очевидной конъектуры в третьей строке, текст грамоты можно частично реконструировать:

… [еп](к҃)[п]оу, а [же](ноу поустиле) … | …, **а кроуте [е]и н(е** дасть). … (ꙗзъ сѧ о томь **н**)[**а**]**болю**, **а сам**[**е**] …

‘… епископу, а жену (прогнал?) …, а приданое не отдает. … (Об этом) я позабочусь, а ты сам …’.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АСЗ — *Акты служилых землевладельцев.* Сб. документов в 4 т. Т. 3. М.: Археографический центр; Древлехранилище, 2008.

АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* Ч. 1–3. Бахрушев С. В. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1951–1961.

ВК — Вопрошание Кириково. *Памятники древнерусского канонического права*. Ч. 1: *Памятники XI–XV в*. 2-е изд. Павлов А. С. (ред.). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Валк С. Н. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

ГВНП 2 — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. 2-е изд. Т. 1: *Тексты*. Анкудинов И. Ю. (сост.). В печати.

Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка.* Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980.

ЕСЛГН — Желєзняк І. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С. *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. Київ: Наукова думка, 1985.

Кочин — Кочин Г. Е. *Материалы для терминологического словаря древней России*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. http://www.ruscorpora.ru.

НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Насонов А. Н. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–27. Л.; СПб.: Изд-во Ленинградского ун-та; Санкт-Петербургского ун-та, 1967–2017.

РЗ — *Российское законодательство X–XX веков*: в 9 т. Т. 1: *Законодательство Древней Руси.* Янин В. Л. (отв. ред.). М.: Юридическая литература, 1984. Т. 2: *Законодательство Древней Руси.* Горский А. Д. (отв. ред.). М.: Юридическая литература, 1985.

СДРЯ — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Вып. 1–13. М.: Русский язык; М.; СПб.: Нестор-История, 1988–2023.

Скрипиль — Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне. *Труды отдела древнерусской литературы*, 1936, 3: 99–152.

Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–30. М.: Наука; М.; СПб.: Нестор-История, 1975–2015.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–7. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

Ужевич — *Граматика слов'янська І. Ужевича.* Жовтобрюх М. А. (відп. ред.), Білодід І. К., Кудрицький Є. М. (уклад.). Київ: Наукова думка, 1970.

Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. М.: Прогресс, 1986.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–39. М.: Наука, 1974–2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бобрик 2014 — Бобрик М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2: 191–201. [Bobrik M. A. Marginalia to birchbark letters and Old Russian epigraphic texts. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2: 191–201.]

Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Vasil'ev V. L. *Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012.]

Гептинг 2023 — Гептинг Э. Л. Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья. *Русская речь*, 2023, 4: 40–50. [Gepting E. L. Dialect representation in the minds of the older generation of the Ilmen Poozerie. *Russkaja rech'*, 2023, 4: 40–50.]

Гиппиус 2020 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 22–37. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 22–37.]

Гиппиус 2024 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1164: к проблеме децимальной организации населения Новгородской земли. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 2024, 1: 27–35. [Gippius A. A. Birchbark letter No. 1164: On the problem of decimal organization of the population of Novgorod land. *Drevnyaja Rus': Voprosy medievistiki*, 2024, 1: 27–35.]

Гиппиус, Сичинава 2021 — Гиппиус А. А., Сичинава Д. В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация. *Русский язык в научном освещении*, 2021, 2: 178–259. [Gippius A. A., Sichinava D. V. Addenda et corrigenda for previously published birchbark letters [XIII]: A pre-publication. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2: 178–259.]

ДНД — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]

Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.).* Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark documents.

Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]

Зализняк 2019 — Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Языки славянской культуры, 2019. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General information and dictionary]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2019.]

Калашникова 2018 — Калашникова А. А. К вопросу о классификации русских судебных документов XV — первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки. *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2018, 4(20): 264–272. [Kalashnikova A. A. On the classification of Russian judicial documents of the 15th — the first half of the 16th centuries: Judgement charters and trial records. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniiya po rossiiskoi i vseobshhei istorii*, 2018, 4(20): 264–272.]

Каштанов 1970 — Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. [Kashtanov S. M. *Ocherki russkoi diplomatiki* [Essays on Russian diplomatics]. Moscow: Nauka, 1970.]

Крысько 1998 — Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. *Вопросы языкознания*, 1998, 3: 74–93. [Krys'ko V. B. The Old Novgorod-Pskov dialect from the point of view of Common Slavic. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 3: 74–93.]

Кучкин 2008 — Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. М.: Индрик, 2008, 270–428. [Kuchkin V. A. "Desyatskie" and "sotskie" in Old Rus'. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya.* Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Moscow: Indrik, 2008, 270–428.]

Матвеев 2001 — Матвеев А. К. *Субстратная топонимия Русского Севера*. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. [Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymics of the Russian North]. Part I. Ekaterinburg: Ural Univ. Press, 2001.]

Назаренко 2003 — Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях*. М.: Языки русской культуры, 2003. [Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Rus' on international ways]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2003.]

НГБ III — Арциховский А. В., Борковский В. И. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.).* М.: Изд-во АН СССР, 1958. [Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.*) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1953–1954)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1958.]

НГБ VII — Арциховский А. В., Янин В. Л. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.).* М.: Наука, 1977. [Artsikhovskii A. V., Yanin V. L. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1962–1976)]. Moscow: Nauka, 1977.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.).* М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]

Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига». *Язык. Африка. Фульбе. Сб. к 60-летию А. И. Коваль*. Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (сост.). СПб.: Европейский дом, 1998, 106–115. [Plungian V. A. Plusquamperfect and «retrospective shift» markers. *Jazyk. Afrika. Ful'be. Coll. of papers on the 60th anniversary of A. I. Koval'*. St. Petersburg: Evropejskii dom, 1998, 106–115.]

Потебня 1968 — Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. III: *Об изменениях значения и заменах существительного*. М.: Просвещение, 1968. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Vol. 3: *Ob izmeneniyakh znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo* [On the meaning changes and noun replacements]. Moscow: Prosveshchenie, 1968.]

Саенко 2022 — Саенко М. Н. *Очерки по славянской соматической лексике*. М.: Индрик, 2022. [Saenko M. N. *Ocherki po slavyanskoi somaticheskoi leksike* [Essays on Slavic somatic vocabulary]. Moscow: Indrik, 2022.]

Чернов 2021 — Чернов С. З. Два погоста — одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепсской колонизации новгородского Обонежья. *Русь в XIII — XV вв.: новые открытия в области археологии и истории*. Беляев Л. А., Конявская Е. Л. (отв. ред.). М.: Индрик, 2021, 119–152. [Chernov S. Z. Two pogosts — one «tribe»: The amicable agreement of 1375 and the mechanisms of the Veps'

colonization of the Novgorod Obonezhye. *Rus' v XIII — XV vv.: novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii*. Belyaev L. A., Konyavskaya E. L. (ed.). Moscow: Indrik, 2021, 119–152.]
Циммерлинг 2022 — Циммерлинг А. В. Скотъ$_4$ по ученым людям: от Шимкевича до Назаренко. Доклад на конф. *Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе*, 8–9 июня 2022 г., Москва, ИРЯ РАН. [Zimmerling A. V. Skotъ$_4$ upon learned people: From Shimkevich to Nazarenko. Talk at the conference *Ancient Rus' and the German World in Historical and Philological Perspective*, June 8–9, 2022, Moscow, Institute of Russian Language.
Шахматов 1903 — Шахматов А. А. *Исследование о двинских грамотах XV в.* СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1903. [Shakhmatov A. A. *Issledovanie o dvinskikh gramotakh XV v.* [Study on the 15th-century Dvina charters]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1903.]

Получено / received 21.05.2024 *Принято / accepted 10.06.2024*